

достигаемого не при помощи внешне-поверхностной юридической социализации прав на средства производства и распределения, но путем подчинения частной деятельности правилам социальной организации. Если частная собственность сохранится, но смысл этого понятия изменится, то будет достигнуто неизмеримо большее приближение к социализму чем посредством всех мер 1919–1920 годов, которые только переносили на другого субъекта все то же право в его неизменной буржуазной концепции. Другая предвидимая черта нового порядка — построение политической системы на власти народных масс, — построение, осуществляемое не формально-призрачным путем двусмысленных западных образцов, но посредством преобразования и развития тех органов народной власти, которые уже возникли в процессе революции.

Таковы основные выводы революции. И вместо искания неимущественных переходов от ее подлинных законов к своим традиционным целям, надо искать те указания и веления, которые диктуются ее природой. Вместо борьбы за свои, неоправданные действительностью мечты и желания, надо бороться за то направление, которое избрала сама история. Так надо не потому, чтобы перед силой эмпирии осталось только преклоняться. И не потому, чтобы рок истории следовало по-человечески прославлять, как откровение божественного разума. Но потому, что только раскрытием и воплощением смысла и сущности революции могут быть положены крепкие и мощные устои для возрождаемой России. Ибо революция — итог ее тысячелетних переживаний и начало ее новой судьбы.

Философия семечек

На тему об интеллигенции...

Еще раз братья за такую тему — не значит ли в миллионный раз потянуть к себе, от скуки и безделья, давно истрепанную, насквозь зачитанную книгу и перелистывать, почти не глядя, ее пожелтевшие страницы?

Пожалуй, да... Но что же делать? Книга до сих пор еще упрямо претендует на то, чтобы быть самой близкой, самой важной, самой, если можно так оказать, настольной для русского читателя-гражданина; она хочет быть чуть ли не библией русской жизни,

И под гипнозом ли ее претензий, или под действием воспоминаний, связанных о ее прошлым, — на ее требования редко отвечают по существу, но по большей части или расшаркиваются перед ними, или почтительно отходят от прямолинейного ответа. Бывают, правда, ответы и другие, — вот они всходят от тех, кто причисляет себя к ее общественно-политическим, или даже классовым антиподам, и потому для нее самой они мало убедительны и даже мало понятны.

При таком положении вещей едва ли будет лишней попытка дать прямой ответ со стороны тех, кто сами чувствуют себя страницами претенциозной книги русского интеллигентского мировоззрения, — и одною из таких попыток являются настоящие строки.

Претензии представителей этого своеобразного мировоззрения на решающую общественно-политическую или общественно культурную роль основаны на их вере в то, что строительство русской жизни или по крайней мере беспрекословное руководство им есть исключительное право русской интеллигенции.

Если нельзя говорить об интеллигенции, как об однородной целостной социальной группе, то все же нет никакого сомнения что в России она была и есть еще до сих пор, как группа лиц, объединённая общим, однородным, типичным для нее мировоззрением. Его сущность — вера в особое провиденциальное назначение русской интеллигенции, в то, что именно она и только лишь она может принести народу и стране устройство общественного и государственного порядка, освобождение и культуру. И потому ее заветы — основа русских идеалов, ее привычки — закон для русских нравов, ее переживания — субстанция русской души. От лукавого — все остальное, только злые силы могут идти против нее.

Такое мировоззрение было для русского интеллигента традиционным. Он мог держаться разных политических взглядов, мог склоняться к равным историософским направлениям, — но эта основная и главная черта была ему свойственна всегда. Про-поведывал ли он могущество «критически мыслящей личности», творил ли он мифы из собственных представлений о неведомом ему «народном духе», склонялся ли он перед железной силой «развития производительных сил», — все это было для него верно лишь в отвлеченном исходном пункте, а в глубине души — и славянофил, и марксист, и народник, если только он был типическим интеллигентом, твердо верил в то, что именно он-то и есть рычаг прогресса.

Интеллигенция, верил он, есть тот мессия, которому история вручила жезл для выполнения ее предначертаний, относящихся к судьбам России.

И оттого нигде так много, как в России, не говорили, не писали и не спорили о роли и задачах русской интеллигенции, о ее истории и идеалах, о ее помыслах и чувствах. Ибо ведь в ней, по ходячей вере, концентрировался как в фокусе весь смысл русской жизни. Как в романских странах в эпоху ренессанса модной общественной темой был вопрос о задачах и обязанностях государя, так у нас в газетах, книгах и журналах писали об интеллигентском сознании и долге; как раньше история страны подменялась историей царей и генералов, так теперь «очерки не истории русской интеллигенции» предпочитали исследованиям по истории русского народного и государственного быта. Ибо русская интеллигенция изображалась хозяином если не прошлой, то будущей истории России.

Падет самодержавный гнет, интеллигенция получит простор и возможность для раскрытия своих сил и выполнения своих задач. И тогда она построит новую Россию.

Таковы были традиционные предвидения и ожидания.

Пал самодержавный гнет.

Интеллигенция засучила рукава и приготовилась «строить» на всех парах. Но случилось нечто непредвиденное и оскорбляющее все лучшие интеллигентские каноны.

Вместе с интеллигенцией засучил свои рукава и народ и также пожелал принять участие в постройке, не довольствуясь тихой ролью безмолвного предмета ее руководства и ее благодеяний. Засучил и сначала скромно требовал, чтобы интеллигенция строила не по своим, а по его планам; потом, недовольный тем, что она, обещая ему все как ребенку — «лишь бы успокоить», продолжала действовать по — своему, он присоединил к интеллигентским пальцам свои мозолистые руки; и наконец, наскучив вечною помехою, просто отодвинул ее прочь не очень вежливым, но очень мощным поворотом плеча и начал управляться; с делом по собственному вкусу.

Правда, и здесь не обошлось без интеллигентов. Но только традиционное упрямство интеллигентских трафаретов может думать, что эти интеллигенты «возбудили», «увлекли» или «повели» парод. Дело обстояло несколько иначе: пришедшая в великое движение народная масса выбрала тех, кто показался ей подходящим, и сказала им: «будь у нас за писаря, а на жалованье тебе — положим государственную власть».

И не как руководителей и просветителей, но как исполнителей, как приказчиков своих она взяла тех, кто пишет, работая «за писаря», могучие и жаркие страницы новых глав ее судьбы.

* * *

Интеллигенция обиделась. Обиделась и ужаснулась.

Обиделась потому, что считала устройство России своим неотъемлемым правом, и участие в этом деле кого то другого, хотя бы самого народа, она объявила «гнусным насилием», надругательством над нравом свободой, моралью и культурой.

Ужаснулась потому, что крепко верила в исключительность своего призвания, в то, что без нее ничто не может быть творимо, и пред страной открывается только гибель. Ибо народ действовал сам, а притом по своей, а не по ее воле. Она забыла то, что изредка говорила и сама: что высшее право — воля народа, что мораль истории — потребности перехода к новой форме жизни, что культуру насадить нельзя, ибо она может только лишь сама родиться в процессе самодеятельности народа. У них масс, так как лишь тогда она будет общим достоянием, а не уделом немногих избранников общественного счастья; что этот путь — тернист и отягощён, но единственно возможен.

Забыла, ибо и прежде, говоря все это, а в тайниках своего ума представляла себе под именем народа — послушных и доверчивых пейзажей, с улыбкой и рвением отдающихся, под ее признанное учительство и руководство.

Забыла и решила, что русская история кончалась, — а то, что происходит, уже, конечно, не творчество и не строительство, а просто-напросто лужанье семечек, ибо аж на что другое темный народ не способен. Еще в семнадцатом году, в апреле раздался первый, посвященный семечкам интеллигентский крик, — и с тех пор он стал символом для отношения русской интеллигенции ко всей великой трагедии обновления переживаемой народом и страной. Во всем, что было за пять лет, хранители интеллигентских «традиций» не видели ничего, кроме случайно затянувшегося безобразия, кроме вдвинутого в нормальный ход истории бессмысленного периода лужанья семечек.

Надо, однако, отличать этих хранителей традиций от интеллигентской массы. За пять лет последняя многое поняла и многому научилась.

Она познала, что перед нею не беспорядок, а грандиознейший процесс исторического созидания, процесс рождения в муках и в болях новой воистину великой России. Она постигла, что народ и его «прикащики»¹ перековали основы русской жизни, переплавили и закалили русский народный дух, и расшвыряв гнилые щепы отжившего старья, положили крепкий и долговременный фундамент для роста

и расцвета родной страны. Пусть еще холодно и неуютно жить; изумляться не приходится: фундамент — еще не полное жилище; но если он положен, то воздвигнуть стены, набросить крышу, да прорубить двери и окна, — это уже второе дело.

И интеллигентская масса поняла, что если эти страшные задачи решены самим народом, решены им по его же планам, то от ее прежних горделивых представлений о своей роли едва ли что-нибудь может сохраниться. Быть приказчиком народа созданного им государства в тех областях я в той мере, где и как это ему нужно, вот в чем ее истинная роль. И даже в политике внушать народу собственные идеалы, но находить выражение для его желаний и велений, — вот ее задача. Ибо иначе ей оставалось бы только одно: уйти из реальной жизни.

Интеллигенция в массе поняла, что ее, к строго говоря, нет; что она не существует, я как особая единая общественная группа. Что она — только лишь резервуар, поставляющий работников психического труда для к реальным общественным групп, сложившихся на почве материальных интересов и отношений.

Интеллигенция в массе все это поняла и сообразно своему новому опыту поступила. Но хранители традиций, в мрачном молчании, от своих заветов не отошли.

* * *

«Хранители традиций» объявили: «это все — семечки».

И затем продолжали: «имейте господа, в виду, что все это — только наваждение, ибо противоречит нашим идеалам и мечтам, нашим теориям и предсказаниям. Не сегодня — завтра все это лузганье семечек закончится, — и тогда мы покажем, кто подлинный хозяин. Не сдавайтесь, малодушные, но ждите».

Можно только уважать такую крепость веры. Можно только пожалеть мертвенность души, такую безнадежную оторванность от жизни, от живой России, от радостного будущего и творческих перспектив родной страны.

Но грустно и томительно другое. Печально то, что этот голос мертвых зачаровывает душу живых.

Многие и многие интеллигенты, постигшие тайну правды, бояться в том признаться самим себе, ибо оглядываются на неподвижные жреческие фигуры «хранителей традиций». Действуют, но стараются действовать лишь за страх, а не за совесть. Вовлекаются в великое движение поток, но стараются не увлекаться его величием и дости-

жениями. Увлекаются, но надевают каменную маску и пред другими, и пред собою. Знают, но молчат. Хотят, но боятся.

Им, этим нерешительным, раздвоенным и робким хочется сказать: «Предел достигнут. Надо сделать выбор. Там — мертвые ошибки, брюзжание недовольных стариков, упрямство оскорбленных самолюбий, надменность выношенной схемы по адресу едва рожденной жизни. Здесь порыв исканий, брожение кипучих сил, дерзость творчества, изломы на путях к вершинам.

Решайтесь.

Не бойтесь тех, кто грозит истлевшим уже давно мечом трафаретов, раздавленных стремительной поступью событий. Бойтесь оказаться душою вне жизни и ее заветов. Это тем страшнее, что материя вашего бытия захвачена зубцами ее колес.

Бойтесь оторваться от своего народа.

Нет греха в отряхивании прочь гнилого праха. Но есть один лишь грех, которому нет прощения: хула на Духа Святого не прощается.

Для гражданина — Дух Святой в народе и с народом. Не возлагайте на него хулы: ни словом, ни молчанием; ни делом, ни бездействием.

Ибо только это не простится никогда.

Логика упрямства (Ответ П. Н. Милюкову)

П. Н. Милюков всегда хорошо пишет, но порою плохо читает.

Особенно плохо читает он тех, кого не хочет правильно понять. Не хочет, ибо в противном случае пришлось бы признать, что истина бывает иногда на стороне людей, отвергнувших его теперешний катехизис. Отвергнувших потому, что в их душе в споре мертвой схемы с живой Россией, победа оказалась на стороне последней.

Так именно П. Н. Милюков прочел и мою недавно напечатанную в «Накануне» статью «Две ошибки»¹, подробному разбору которой он посвятил большой фельетон в «Последних Новостях»².

Фельетон этот написан, впрочем, не только для полемики с моими политическими построениями, но и для того, чтобы свести некоторые личные счета со мною, как с тем, кто перешел в ряды «сменовеховцев» прямо из лона милюковской «демократической группы партии народной свободы».